

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

“ТЮРЕМНЫЕ ТЕТРАДИ” АНТОНИО ГРАМШИ: ТЕМА ГОСУДАРСТВА

© 2010 г. Виктор Александрович Шабалин¹

Краткая аннотация: в статье рассмотрена оригинальная концепция государства, принадлежащая Антонио Грамши, выраженная формулой “государство = политическое общество + гражданское общество”.

Annotation: the original conception of state issued from Antonio Gramsci's pen is studied in article, puts into formula “State = political society + civil society”.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, гегемония, государство в полном значении, демократический централизм, бюрократический централизм.

Key words: state, civil society, hegemony, state in complete sense, democratic centralism, bureaucratic centralism.

Среди многочисленных проблем “Тюремных тетрадей” – главного труда одного из самых глубоких и авторитетных мыслителей XX в. Антонио Грамши большой интерес представляют его воззрения на государство. Синтезируя различные фрагменты названной работы, которую сам Грамши считал только предварительными заметками, можно воссоздать целостную концепцию государства, многие аспекты которой актуальны и сегодня. Здесь в первую очередь необходимо назвать такие проблемы, как образование современных государств, социокультурные и духовные факторы развития государственности, соотношение государства и гражданского общества, сила и согласие в государственной жизни, государство и партии, демократическое и тоталитарное государство и др. Каждая из них достойна отдельного исследования. Рамки статьи позволяют лишь в общих чертах рассмотреть некоторые из них.

Следуя принципу историзма, Грамши рассматривает развитие государственности (“государственного духа”), смену различных типов и форм государства как непрерывный, противоречивый и в то же время единый процесс сознательной деятельности сменяющих друг друга поколений, который отражает этапы развития общества и человека.

В этой связи Грамши говорит об “историческом базисе” государства, в котором как раз и соединяются прошлое и настоящее; без понимания этого

исторического базиса трудно решать конкретные задачи государственной жизни.

Представляется, что грамшианский термин “исторический базис государства” можно рассматривать в двух ракурсах: цивилизационном и формационном. Понятый в цивилизационном ключе исторический базис государства – это комплекс долговременных социокультурных факторов, характерных для тех или иных государств или групп государств, тех факторов, которые в большей или меньшей степени проявляют себя на протяжении всей истории данной государственности. Среди них – исторические особенности страны, геополитическое положение, культура, религия, отношение к закону, взаимоотношения власти и личности и др. Так, считал Грамши, Рим получил большее развитие в Западной Европе, а Византия – в царской России (западная и восточная цивилизации). Здесь же уместно привести замечание Грамши, имеющее важное значение для понимания его воззрений на государство: “На Востоке государство было всем, гражданское общество было в первичном, аморфном состоянии. На Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные отношения”².

Говоря о формационном аспекте исторического базиса государства, необходимо рассмотреть еще один термин, встречающийся в “Тюремных тетрадах”, – “исторический блок”, который, как считают некоторые исследователи, Грамши воспринял от Сореля, но наполнил своим содержанием. Исторический блок – это социальная целостность,

¹ Профессор Дальневосточного юридического института МВД России, доктор философских наук (E-mail: um1@mail.redcom.ru; тел.: (84212) 21-70-10).

² Грамши А. Избр. произведения. В 3-х т. Т. 3. М., 1959. С. 200.

сложившаяся на определенном этапе исторического развития, на которой основывается государство, находящаяся в состоянии относительной стабильности и поэтому поддающаяся фиксации и описанию, это диалектическое единство базиса и надстройки (“базис и надстройка образуют исторический блок”)³; это сложившаяся на основе определенного экономического базиса система социальных связей, включающая в себя отношения управляющих и управляемых, интеллигенции и простых людей, научного и обыденного сознания.

Разумеется, этот блок не может не отражать и тех социокультурных особенностей конкретных стран, о которых говорилось выше. В итоге система формационных и цивилизационных факторов определяет сущность и облик наличествующего государства и механизмы его функционирования. Поскольку комплекс социальных отношений был различным в разных государствах, отмечал Грамши, различными должны были быть и “политические методы использования силы и комбинации сил, действующих как в сфере законности, так и вне ее”⁴.

Через призму понятия “исторический блок” Грамши рассматривает различия между традиционными (античность, средневековье) и современными государствами, т.е. государствами-нациями, сформировавшимися в эпоху буржуазных отношений (*stato moderno*). В традиционных государствах политико-территориальная и социальная концентрации были минимальными. Это был механический блок различных социальных и зачастую различных этнических групп. Власть здесь носила в основном военно-политический характер, подчиненные классы были полностью “автономны”, т.е. выключены из государственной политической жизни⁵.

Современное государство представляет иную модель социальных отношений. Оно заменяет механический блок социальных групп их определенной субординацией в связи с активной гегемонией господствующей группы, которая реализуется через такие институты буржуазного общества, как партии, профсоюзы, культурные ассоциации и т.п. Иначе говоря, современное государство –

это властное выражение органического исторического блока, основанного на гегемонии.

Необходимо вспомнить, что Грамши понимал гегемонию не в узкопрагматическом ключе, а как общеисторическую категорию. Гегемония – это такое отношение политических и классовых сил в государстве, когда ведущая правящая группа, осуществляя власть, опирается не только на государственное принуждение, но и на свою способность, несмотря на возможные и даже неизбежные противоречия с подчиненными группами, утверждать в их среде свои ценности, обеспечить добровольное согласие (*consenso*) этих групп на основе признания своего авторитета. При этом социальная группа может и даже должна стать руководящей еще до завоевания государственной власти, что зачастую является важнейшим условием этого завоевания. Но главное заключается в том, что, уже находясь у власти, эта группа, будучи господствующей, должна по-прежнему оставаться руководящей⁶. Здесь же надо отметить, что в понимании Грамши гегемония – категория исторически развивающаяся: большая или меньшая распространенность гегемонии обуславливает в одних случаях стабильность государства, а в других – кризис государственной власти.

Становление современной государственности мыслилось Грамши как большая историческая эпоха, в которой можно выделить два основных этапа. Первый – это время антифеодальной борьбы мелких раздробленных государств за национальное объединение, что сопровождалось созданием единого рынка и формированием национального самосознания. Здесь же можно отметить некоторые зачатки функционального разделения властей, которое распространялось от восстановления нарушенного в процессе периодических территориальных разделов равновесия между отдельными государствами до первых норм разделения властей внутри самих этих государств. Указанный этап знаменуется рождением новой современной власти, основанной на неразделимости силы и согласия.

В этой связи Грамши подчеркивал роль Макиавелли как зачинателя науки о политике, внесшего неоценимый вклад в теорию государства. Две основные заслуги он видит в деятельности этого итальянского мыслителя и государственного деятеля. Во-первых, Макиавелли почувствовал, осознал и теоретически оформил ту тенденцию к созданию крупных централизованных национальных государств, которая объективно была

³ См.: *Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. A cura di V. Gerratana. Torino, 1975. P. 1051. О различных трактовках термина “исторический блок” см.: Portelli U. Gramsci e blocco storico. Bari, 1973; Buci – Glucksmann C. Gramsci e lo Stato. Roma, 1976.*

⁴ *Gramsci A. Op. cit. P. 913.*

⁵ См.: *ibid.*

⁶ См.: *ibid. P. 2010–2011.*

характерна для всей современной ему Европы. “Он в Италии теоретизировал о том, что в Англии энергично осуществляла Елизавета, в Испании – Фердинанд Католик, во Франции – Людовик XI, а в России – Иван Грозный”⁷. Но, пожалуй, более важной, по мысли Грамши, является вторая заслуга Макиавелли: его призыв к правителям, к “Государю” опереться в создании единого национального государства на народно-национальные силы, добиться их активного согласия и поддержки в решении “этой великой задачи”. Вспомним, что подобную же высокую оценку Макиавелли ранее дал Гегель, который отмечал, что Макиавелли выдвинул идею государства, созданного народом, обосновал ту “простую истину”, согласно которой “свобода возможна только в государстве, созданном объединившимся на правовой основе народом”, что является одним из главных принципов науки о государстве⁸.

На втором этапе становления современного государства через диалектику абсолютизм – либерализм зарождается и развивается гражданское общество – сфера реализации гражданских прав и свобод, формируется конституционализм, закрепляющий нормы функционирования государственной власти, границы ее компетенции. Теперь государство представляет собой сложную надстройку, единство политического и гражданского общества, где политическое общество (государственная власть, отражающая в том числе принудительную сторону государства) представляет момент целостности, единства, дисциплины, а гражданское общество – множественность интересов, общественные инициативы.

Думается, не случайно Грамши рассматривал становление современной государственности, основанной на сочетании силы и согласия, на гегемонии правящей социальной группы, в непосредственной связи с формированием наций. В этом формировании, которое происходит естественно-историческим путем, наряду с территориальными, политическими и экономическими факторами первостепенное значение приобретают факторы духовного характера: национальное самосознание, народно-национальная воля, национальная культура. Именно это позволяет правящему классу расширять свою гегемонию в духовной и моральной сферах, завоевывая поддержку масс, укрепляя тем самым государственность. В этом смысле многие явления духовного порядка приобретают политическое, государственное значение.

Такова, например, проблема создания на базе различных диалектов единого национального языка. Казалось бы, это вопрос чисто лингвистического, “технического” характера. Но Грамши на различных примерах, прежде всего из истории Италии, убедительно показывает, что проблема единого языка одновременно ставит и такие проблемы, как формирование и расширение руководящего класса, необходимость установления более тесных связей между руководящей группой и народно-национальными силами, что означает реорганизацию культурной гегемонии в государстве⁹. Более того, духовные факторы в ряде случаев могут стать решающими, существенно повлиять на процесс формирования национальных государств. В этой связи отметим парадоксальное, на первый взгляд, утверждение Грамши о том, что гуманизм и Возрождение, которые дали мощный импульс созданию новых государств в Европе, в Италии – родине Возрождения имели скорее реакционные последствия. Однако аргументы Грамши, опирающиеся на обширный исторический экскурс, весьма убедительны.

Если в Европе идеи гуманизма и Возрождения породили народно-национальные реформаторские движения, то в Италии в силу ряда причин (среди них немаловажное значение имело то обстоятельство, что страна была мировым центром католицизма) Возрождение привело к формированию космополитических, а не национальных правящих групп и интеллигенции, умиранию начавшегося в республиках-коммунах процесса формирования народно-национальной культуры, спаду предпринимательской активности буржуазии. Затем последовало иностранное вторжение, закрепившее раздробленность Италии¹⁰. В итоге образование национального государства в этой стране произошло с большим опозданием по сравнению с другими крупными странами Европы.

Итальянская буржуазия в республиках-коммунах, отмечал Грамши, не смогла подняться выше удовлетворения своих узкоклассовых интересов, т.е. государство здесь имело экономико-корпоративный характер. Оно так и осталось в тот период на первой, примитивной ступени формирования современной государственности.

На второй, более высокой стадии развития национального государства оно приобретает этико-политический характер. Господствующая социальная группа осознает, что ее стратегический

⁷ Ibid. P. 145–146.

⁸ См.: Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 151–152.

⁹ См.: Gramsci A. Op. cit. P. 2346.

¹⁰ См.: ibid. P. 656; см. об этом также: Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 208–210.

интерес заключается в том, чтобы преодолеть экономико-корпоративную форму государства, ставить все вопросы государственной жизни с учетом “общего интереса”, добиваясь таким образом гегемонии во всех сферах общественной жизни. Государство на этом этапе, разумеется, носит классовый характер. Оно обеспечивает благоприятные возможности для максимального развития господствующей группы (буржуазии), укрепления ее влияния. Но это развитие рассматривается не в узкокорпоративном, а в универсальном ключе, т.е. прилагаются усилия для развития национальной энергии, интересы доминирующей группы сочетаются с общим интересом нации. Иначе говоря, государственная жизнь рассматривается как “непрерывный процесс образования и преодоления (в рамках законности) непрочного равновесия между интересами доминирующей группы с интересами подчиненных групп. В этом равновесии интересы доминирующей группы превалируют, но лишь до определенной границы, так, чтобы не опуститься до удовлетворения мелких экономико-корпоративных интересов”¹¹.

Важное теоретическое значение имеет разрабатываемая в “Тюремных тетрадах” концепция “*allargamento dello stato*”, что на русский язык можно перевести как “государство в полном значении”, или “интегральное государство”. Грамши исходил в ее обоснование из критики негативно-либертарной модели государства и одновременно критики упрощенных взглядов на государство, характерных для современных ему теорий Коминтерна. Государство, считал он, с одной стороны, нельзя отождествлять с “государством-карабинером”, “государством – ночным сторожем”, функции которого ограничиваются гарантированием законов и охраной общественного порядка, а с другой – с аппаратом, машиной классового подавления. Поскольку важнейшей характеристикой современного государства является наличие гегемонии, именно через эту этико-политическую категорию необходимо рассматривать сущность концепции “интегрального государства”.

Каждое современное государство, считал Грамши, является “этическим”, потому что среди его функций одна из главных заключается в том, чтобы поднимать широкие массы населения до определенного культурного и морального уровня (или типа), соответствующего потребностям развития производительных сил и, следовательно, отвечающего интересам господствующих классов. Однако в реальной государственной жизни

на достижение этой цели направлено множество других видов деятельности и инициатив, носящих так называемый частный характер. Здесь имеется в виду целый ряд институтов гражданского общества – образовательных учреждений, прессы, политических партий, клубов и ассоциаций, которые вместе с государством образуют аппарат политической и культурной гегемонии господствующей группы. Следовательно, “интегральное государство” может быть выражено формулой “государство = политическое общество + гражданское общество”, иначе говоря, государство является “гегемонией, облаченной в броню принуждения”¹².

В комплексе институты политического и гражданского общества, государственная и “частная” бюрократия (партийная, профсоюзная) каждая своими методами осуществляют функцию социального контроля, или, говоря словами Грамши, понятую в широком смысле функцию “полиции”. “Полиция” рассматривается здесь не только как государственная служба, предназначенная для борьбы с преступностью, но и как совокупность всех сил, организованных государством и частными лицами для охраны политического и экономического доминирования правящих групп.

Утверждение Грамши о том, что гражданское общество (или по крайней мере отдельные его институты) тоже является государством, более того, в определенном смысле “это и есть само государство”, не случайно. Оно показывает, что та сфера “интегрального государства”, которая представлена институтами гражданского общества в кризисные для буржуазного государства моменты, приобретает особое значение. В развитых странах эти институты превратились в защитную систему “крепостей и казематов”, и если государство (понятое в узком смысле, как правительство, государственный аппарат) “начинало шататься, тотчас же выступала прочная структура гражданского общества”¹³. Необходимо подчеркнуть, что рассуждения Грамши об “интегральном государстве” значительно отличались от установок Коминтерна, в соответствии с которыми господство буржуазии основывается только на ее экономическом могуществе, и поэтому мощные экономические кризисы (каким был кризис 1929–1933 гг.) автоматически ведут к разрушению буржуазной надстройки и гибели капитализма. Экономиче-

¹² Ibid. P. 763–764.

¹³ Грамши А. Указ. соч. Т. 3. С. 133. Можно заметить, что концепция “интегрального государства” имеет ряд общих моментов с разработанной в 50–60-е годы в американской политологии теорией политической системы.

¹¹ Gramsci A. Op. cit. P. 1584.

ские кризисы, считал он, сами по себе “могут создать лишь более благоприятную почву для распространения определенного способа постановки и разрешения таких вопросов, с которыми связано все дальнейшее развитие государственной жизни”¹⁴.

Оригинальный вклад в теорию государства Грамши внес разработкой темы, которую можно было бы назвать “Государство и интеллигенция”. Отвлекаясь от специфики интеллектуального труда, он фиксирует внимание на социальной функции интеллигенции. Интеллигенция, в состав которой Грамши наряду с представителями традиционных интеллектуальных профессий включает и государственных функционеров, партийных руководителей, организаторов культуры и др., непосредственно связана с осуществлением функции гегемонии. Каждая фундаментальная социальная группа, выходя на историческую сцену, провозглашая определенный экономический, социальный и государственный уклад, одновременно создает себе один или несколько слоев интеллигенции, которая выступает в качестве “приказчиков” этой группы, являясь проводником ее гегемонии. Интеллигенция, понятая именно в таком, государственно-управленческом аспекте, по мысли Грамши, решает две основные задачи: 1) обеспечение согласия широких масс населения с тем направлением социального развития, которое задано господствующей группой; 2) приведение в действие государственного аппарата принуждения, “легально укрепляющего дисциплину тех групп, которые не выражают согласия ни активно, ни пассивно”¹⁵. Таким образом, интеллигенция представляет собой силу, которая цементирует сложившийся исторический блок, являющийся основой государства.

Централизующая, дисциплинирующая роль государственного аппарата объективно необходима, считал Грамши, но эта роль может осуществляться двояко. Во-первых, централизм может реализовываться демократическим путем, когда государственная организация постоянно приводится в соответствие с реальными процессами, происходящими в обществе, т.е. наблюдается “сочетание толчков снизу с приказом сверху, постоянное внедрение элементов, выходящих из народных глубин в прочный остов аппарата управления, что обеспечивает непрерывное и регулярное накопление опыта”¹⁶.

И напротив, серьезные проблемы для общества возникают тогда, когда в государстве преобладающее значение приобретает бюрократический централизм. В этом случае руководящая группа, став самодостаточной, превращается в узкую касту, стремится увековечить свои эгоистические привилегии, “предотвращая возникновение противодействующих сил, причем даже тогда, когда эти силы по своей природе однородны с основными господствующими интересами”¹⁷.

Размышления Грамши о демократическом и бюрократическом централизме непосредственно связаны с его заочной полемикой с ведущими представителями “школы элит” – Г. Москкой и В. Парето. Отмечая их политический реализм по вопросу об отношении управляющих и управляемых в государстве, признавая определенное сходство своих оценок политической роли интеллигенции с концепциями “политического класса” Г. Моски и “политической элиты” в. Парето, он расходится с ними в доктринальном плане. Как известно, в конце своей деятельности “элитисты” (здесь же можно упомянуть и Р. Михельса) крайне негативно высказывались о возможностях демократических форм правления, основанного на согласии управляемых¹⁸.

В частности, Парето в своей последней работе (1922 г.), по сути, отходит от своей концепции кругооборота элит, представляя управляющих в качестве замкнутой касты, противостоящей управляемым, заявляя, что “сила и только сила решает, кто должен командовать, а кто – подчиняться”¹⁹. Грамши ставит вопрос по-иному: решая проблему управляющих и управляемых, исходили из того, что человечество всегда будет жестко разделено или это жесткое разделение является преходящим явлением? При этом он далек от примитивных и утопических по своей сути представлений о полном самоуправлении, в котором исчезает необходимость в разделении управляющих и управляемых, а следовательно, и необходимость государственного аппарата управления. Напротив, он говорит о “вечности” этого разделения, указывая, что оно существует и в социально однородных группах. Речь идет о том, является ли это разделение отражением такого исторического блока, когда социально-классовые

¹⁴ Там же. С. 211.

¹⁵ Подробнее об отношении Грамши к взглядам Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса см.: *Sgambatti V. Pre un' analisi del rapporto tra Gramsci e gli elitisti / Politica e storia in Gramsci. Vol. 2. Roma, 1977. P. 606 – 612.*

¹⁶ См.: *Pareto V. Transformazioni della democrazia. Bologna, 1966. P. 140.*

¹⁴ Там же. С. 219 – 220.

¹⁵ Там же. С. 465.

¹⁶ Там же. С. 210.

различия являются резкими, доходящими порой до непримиримости, или по мере общественного развития возможно возникновение нового исторического блока (блоков) с более органичным взаимоотношением всех его элементов, а следовательно, иного типа государства, когда различия между управляющими и управляемыми носят не кастовый, а в большей степени функциональный, “технический” характер, подобный отношениям дирижера и скрипача в оркестре. Такое положение он считал реальной, хотя и отдаленной перспективой. Демократическое государство, отмечал Грамши, характеризуется тем, что “развитие экономики, а следовательно, также служащее его выражением законодательство благоприятствуют молекулярному процессу перехода из ведомых групп в ведущие”²⁰.

Интересны записи Грамши, в которых он размышляет о кризисе классической либеральной модели государства и различных путях его разрешения. Достигнутый в первые десятилетия XX в. уровень развития производства, считал он, по-новому ставит вопросы соотношения экономики и политики, производства и государства, затрагивая и все другие сферы общества. С необходимостью вставала проблема перехода “от старого экономического индивидуализма к экономике согласно плану”²¹, что предполагало иной, нежели в либеральной модели, подход к вопросу о роли государства. Правящие круги Запада, несомненно, осознавали эту “имманентную необходимость” и искали пути решения проблемы на путях, не связанных с радикальными преобразованиями (революцией).

Такой способ разрешения назревших проблем “сверху” Грамши называл “пассивной революцией” (“революцией без революции”), когда требования подчиненных слоев удовлетворяются “в малых дозах, легально, реформистски”²².

Наиболее полно этот интернациональный по своему характеру процесс модернизации и рационализации капиталистического производства путем государственного регулирования проявился в конце 20 – начале 30-х годов в форме американизма и фордизма, которым Грамши посвятил целый раздел “Тюремных тетрадей”²³. Таким образом, Грамши одним из первых в коммунистическом движении поставил вопрос о возможностях дальнейшей эволюции капитализма, о наличии у него

серьезных ресурсов развития, что существенно отличало его оценку от прогноза неминуемого и близкого краха буржуазного общества и государства, утвердившегося в компартиях после VI Конгресса Коминтерна.

Модернизация и рационализация капиталистического производства “сверху” при участии государства позволяют правящим группам восстановить в значительной мере утраченные в кризисные годы позиции в гражданском обществе, упрочить свою гегемонию, укрепляя тем самым государство. То, что инициатором “прогрессивной попытки” выступает та или иная социальная сила, подчеркивал Грамши, не остается без решающих последствий²⁴.

Специфическим проявлением общей модели “пассивной революции”, обусловленным историческим развитием Италии, его положением среди других крупных стран Запада, отмечал Грамши, стал фашизм. Если в американизме и фордизме “пассивная революция” осуществлялась правящими классами, начиная с экономической модернизации, распространяясь затем на сферы надстройки, создавая новые аппараты гегемонии в гражданском обществе, причем все это происходило в рамках демократии и законности, то “пассивная революция” в Италии была связана с разрушением буржуазной законности и установлением тоталитарного режима, в котором гражданское общество было поглощено государством. “Согласие” трудящихся здесь достигалось путем прямого принуждения со стороны государства и усиления идеологической обработки их сознания с использованием псевдодемократических и псевдореволюционных лозунгов, которое дополнялось полицейским террором. Нужно посмотреть, писал Грамши, не употребляются ли фразы о революции намеренно, с целью создать “готовность верить”, создаваемую еще и с помощью весьма солидных “сопутствующих аргументов (трибуналы, полиция и т.п.)”²⁵. В то же время он признавал, что фашизму удалось породить определенные ожидания у мелкобуржуазных слоев, составляющих большинство населения Италии, укрепив тем самым социальную базу фашистского государства. Мелкобуржуазная масса, считал Грамши, рассматривается этим государством не более чем масса для маневра. “Ее постоянно занимают проповедями на моральные темы, пощипыванием ее чувствительных струн и мессианскими мифами о грядущих сказочных временах, когда автоматиче-

²⁰ Gramsci A. Op. cit. P. 1056.

²¹ Ibid. P. 1089.

²² Ibid. P. 1227.

²³ См.: Faccin C. Gramsci, L'Unione Sovietica, l'americano // Slavia. 2001. № 1. P. 61–70.

²⁴ Грамши А. Указ. соч. Т. 3. С. 416.

²⁵ Gramsci A. Op. cit. P. 1068.

ски будут разрешены все нынешние противоречия и излечены все нынешние недуги”²⁶.

В “Тюремных тетрадах” нет разделов, специально посвященных государству, созданному в России в результате революционных событий октября 1917 г., – Советского государства. Однако изучение записей “Тюремных тетрадей” с учетом истинного значения грамшианских терминов-метафор, сопоставление этих записей с предшествующими заключению статьями и письмами, воспоминаниями, свидетельствующими о содержании дискуссий, которые он вел в тюрьме Тури с политзаключенными²⁷, позволяют обнаружить суждения Грамши по данному вопросу в контексте других проблем, узнать известных советских государственных деятелей и понять его отношение к их взглядам. Это делает возможным в какой-то степени систематизировать размышления Грамши о тенденциях развития современного ему государства в СССР.

Здесь необходимо вспомнить, что Грамши выделял два основных стратегических пути фундаментальных общественных преобразований. Это, говоря языком “Тетрадей”, маневренная война и позиционная война с присущими каждой из них методами. Маневренная война отличается ускоренным темпом, ярко выраженным прогрессирующим характером изменений, а также присущими чрезвычайным ситуациям военного времени принудительными, командными методами. Такая война победоносно завершилась в 1917 г. в России, что ознаменовалось установлением советской государственной власти, но обернулось неудачей на Западе в силу того, что государство здесь обладало защитными “казематами и траншеями” гражданского общества, чего не было в России. В этой связи Грамши делает запись о том, что “в современную эпоху маневренная война политически проткала с марта 1917 г. до марта 1921 г. и сменилась позиционной войной”²⁸ как в международном масштабе, так и в рамках отдельных стран.

Позиционная война характеризуется последовательными, целенаправленными изменениями общественных отношений, что предполагает

кропотливую, “капиллярную” созидательную работу по укреплению и расширению гегемонии основной социальной группы в среде других слоев населения. Не отрицая полностью методов принуждения, ведущие позиционную войну силы в первую очередь опираются на убеждение и руководство. Преобладание той или иной формы общественных преобразований во многом обусловлено объективными обстоятельствами, культурно-историческими особенностями стран, но вопрос о смене одной формы “войны” другой на практике решается и реализуется политическими силами (государством, партиями, элитами) в соответствии с осознанием ими насущных проблем общественного развития.

Сопоставление тех разделов “Тюремных тетрадей”, где излагается концепция позиционной войны, с идеями последних работ В.И. Ленина (которого Грамши ценил как политика-диалектика), раскрывающих “коренное изменение взглядов на социализм”, позволяет увидеть близость позиций этих авторов. Мысли Ленина о том, что после “красногвардейской атаки” на капитализм центр тяжести преобразующей деятельности государства и партии переносится на целенаправленное долгосрочное достижение цивилизованности, на понятое в широком смысле этого слова “культурничество”, соответствует вывод Грамши о необходимости смены маневренной войны на позиционную. “Мне кажется, – пишет он, – что Ильич понял необходимость превратить маневренную войну, победоносно примененную на Востоке, в войну позиционную, которая была единственно возможной на Западе”²⁹.

Исходя из представлений Грамши о стратегии и методах создания нового общества и государства, ему, несомненно, были близки взгляды Н.И. Бухарина, хорошо известного в компартиях Запада. В работах Бухарина, относящихся к 1924–1925 гг., значительная часть которых в переводе публиковалась в партийных изданиях итальянских коммунистов и воспроизводилась в статьях самого Грамши, последнего привлекала разработка вопросов преодоления культурной отсталости России, соотношения экономических и административных методов деятельности нового государства, расширения демократии и преодоления растущей бюрократизации государственного аппарата. Не случайно, как отмечают исследователи творчества Грамши, при сравнении работ Бухарина этого периода и тех разделов “Тюремных тетрадей”, где анализируется диалектика господства и руководс-

²⁶ Ibid. P. 1940.

²⁷ Эти свидетельства имеют особое значение, поскольку в беседах с политзаключенными он иногда мог сказать больше, чем в подцензурных “Тетрадах” и письмах на волю (см., например: *Lisa A. Discussione politici con Gramsci in carcere // Rinascita. 1964. 12 des.; Gramsci vivo nelle testimonianze dei suoi contemporanei. Milano, 1977; Postillo M. Gramsci in carcere. Manduria – Bari – Roma, 2001*).

²⁸ *Gramsci A. Op. cit. P. 1229.*

²⁹ *Грамши А. Указ. соч. Т. 3. С. 199.*

тва, можно заметить сходство многих подходов к этим проблемам³⁰.

Персонафицированным выразителем стратегии маневренной войны выступает в грамшианских записях Л.Троцкий (“Бронштейн”, “Лев Давыдович”, “Леоне Давидови”), которого Грамши называет “теоретиком фронтальной атаки в такой период, когда она ведет лишь к поражению”. Серьезную опасность, которую содержит в себе перенесение методов военного времени на процесс мирного созидания в новом государстве, Грамши видел в ослаблении союза трудящихся классов, ослаблении отношений гегемонии, вследствие чего ставятся под угрозу первоначальные завоевания власти, что и показали события 1921 г. в Советской России. Основное содержание позиции Троцкого заключалось в “слишком решительном желании поставить в жизни государства выше всего индустрию и индустриальные методы, ускорить внешними принудительными средствами установления дисциплины и порядка, привести нравы в соответствие с условиями труда”³¹. Задача формирования нового типа работника, подчеркивал Грамши, не может быть решена только при помощи государственно-принудительных методов – этого возможно достичь путем выработки самодисциплины работника, которая опирается на смягчение принудительности и “убеждение” материальными стимулами (к пониманию чего эмпирически пришли американские промышленники и не понял Троцкий)³².

Разумеется, Грамши был далек от того, чтобы видеть основу указанной тенденции только в личных качествах Троцкого (в беседах с узниками тюрьмы Тури он достаточно высоко оценивал его интеллектуальные способности)³³. Она, по мысли Грамши, в конечном итоге обусловлена особенностями исторического и социально-экономического развития России, и в частности неразвитостью гражданского общества. Следует подумать над тем, пишет Грамши, “не является ли пресловутая

теория Бронштейна о перманентности движения отражением в политике теории маневренной войны, а в конечном итоге общих экономико-культурно-социальных условий страны, в которой кадры национальной жизни находились еще в эмбриональном, расслабленном состоянии” и не могли сыграть роли “траншей” и “крепостей”³⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что перспективы развития советского общества и государства Грамши во многом связывал со степенью зрелости гражданского общества, которое является той сферой, где реализуются отношения гегемонии, рождаются народные инициативы. Рассматривая в “Тюремных тетрадах” российскую ситуацию, Грамши, как уже говорилось, отмечал явное преобладание государства над гражданским обществом, т.е., как и в царской России, советское государство продолжало оставаться “всемирным”, что создавало реальную основу для ориентации на командно-административные методы, для продолжения маневренной войны в период мирного созидания.

Можно вспомнить, что именно этой проблемой были озабочены после окончания гражданской войны В.И. Ленин и его единомышленники в партии, которые видели в недостаточной “культурности”, цивилизованности населения почву для распространения антидемократических, бюрократических тенденций, препятствие в осуществлении отношений гегемонии. Ленин в последних статьях призывал целенаправленно работать над созданием аппарата гегемонии, организуя целый ряд связанных с государством, но не обюрокраченных объединений (партийных, профсоюзных, частных) из фабрично-заводских рабочих, сделать эти объединения проводником социалистических ценностей в мелкобуржуазной среде огромной массы населения России³⁵. Эту же мысль развивал Н.И. Бухарин, который отмечал, что вовлечение в общественную жизнь все более широких слоев населения означает создание разветвленной сети различных организаций, осуществляющих органическую связь между государственной властью и обществом, т.е. формирование, по его выражению, “советской общественности” или “советского гражданского общества”³⁶.

Рассматривая советское государство (“государство – все”), Грамши предлагает такую уни-

³⁰ См.: *Buci-Glucksmann C.* Op. cit. P. 308; *Bonetti P.* Gramsci e lo societa liberaldemocratica. Roma-Bari, 1980. P. 5.; *Bucharin e lo Stato – Levafano* // Bucharin tra rivoluzione i riformi. Roma, 1982. P. 150. Частично это сходство объясняется вниманием Грамши и Бухарина к идеям М. Вебера о механизмах осуществления государственной власти, о бюрократии и др. В то же время не следует забывать о том, что в “Тюремных тетрадах” Грамши серьезно критикует философские позиции Бухарина, изложенные в неоднократно переиздаваемом учебнике “Теория исторического материализма”.

³¹ *Грамши А.* Указ. соч. Т. 3. С. 437–438.

³² См.: там же. С. 447.

³³ См.: *Piaviglia A.* Con Gramsci a Turi // *Rinascita*. 1974. 25 ott.

³⁴ *Грамши А.* Указ. соч. Т. 3. С. 199.

³⁵ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 366–367.

³⁶ См.: *Ferretti M.* Rivoluzione culturale e formazione del consenso nell’ Unione Sovietica degli anni venti // *Studi storici*. 1987. № 2. P. 475.

кальную и в то же время весьма сложную для осуществления модель создания гражданского общества, когда именно государство становится на первых порах инициатором и инструментом формирования этого общества. Деятельность по созданию “новой цивилизации, человека и гражданина”, считал Грамши, означает “формирование внутри оболочки политического общества сложного и разветвленного гражданского общества, в котором отдельная личность будет сама управлять собой, но такое самоуправление не будет вступать в конфликт с политическим обществом, а наоборот, станет его нормальным продолжением”³⁷. В представлении Грамши социализм, или новый исторический блок, не ограничивается суммой коренных экономических преобразований (более того, он подчеркивал, что надежда на то, что экономические изменения сами по себе решают все проблемы в обществе, таит в себе “прямую опасность”), а также осуществления стратегического союза трудящихся классов, хотя и то и другое являются необходимыми условиями и предпосылкой создания этого блока. В понимании Грамши новый исторический блок – это целостный организм, где на основе диалектического взаимоотношения базиса и надстройки обеспечены демократические отношения между обществом и государством, управляющими и управляемыми, руководителями и руководимыми, простыми людьми и интеллигенцией. Исходя из этого, должна осуществляться целенаправленная деятельность по преодолению государством фазы “экономико-корпоративного примитивизма” и превращению его в “интегральное государство”, т.е. “политическое общество + гражданское общество”.

Реалистически оценивая первостепенное значение Советского государства в стране, где преобладали огромные массы крестьянства и отсутствовали укоренившиеся демократические традиции, а также имея в виду указанный выше тезис о том, что именно государство первоначально

но решает труднейшую задачу создания гражданского общества, Грамши отмечает, что для тех слоев населения, “которые не поднялись до самостоятельной государственной жизни, не прошли длительного периода собственного культурного и нравственного развития... период “культа государства” необходим и даже целесообразен: такой культ государства является не чем иным, как нормальной формой “государственной жизни или по крайней мере приобщения к самостоятельной государственной жизни и к созданию “гражданского общества”, которое оказалось исторически невозможным создать до прихода к независимой государственной жизни”³⁸.

Обладея удивительной способностью по деталям воссоздать целое, систематизируя отрывочные сведения, проникающие в тюрьму с воли, Грамши имел возможность в общих чертах составить представление о том, какие процессы преобладают в СССР, какой курс осуществляет советская элита под руководством Сталина (“толкователя движения большинства”). Отсюда как предостережение звучит вторая часть приведенной выше заметки, где он подчеркивает, что «подобный “культ государства” не должен вести к теоретическому фанатизму и мыслиться как нечто вечное, его следует подвергать критике именно для того, чтобы он развивался и порождал новые формы государственной жизни, при которых инициатива отдельных лиц и групп станет “государственной”, хотя и будет исходить не от правительства чиновников»³⁹.

Разумеется, было бы ошибкой представлять Грамши критиком всего советского опыта государственного строительства или политического противника Сталина как создателя командно-административной системы в СССР. Его размышления – это “превентивная” критика, критика-предупреждение о пагубности заволащивающей в исторический тупик тоталитарной модели государства.

³⁸ Там же. С. 282.

³⁹ Там же.

³⁷ Грамши А. Избр. произведения. М., 1980. С. 281–282.